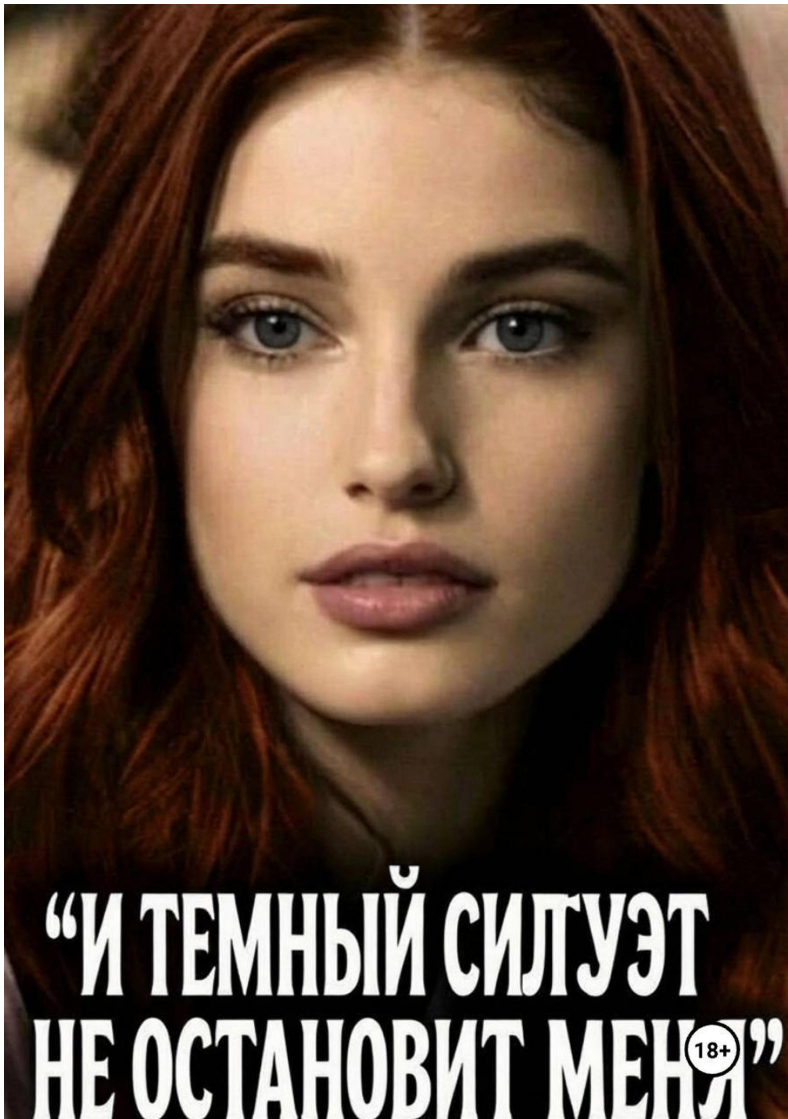

**“И ТЕМНЫЙ СИЛУЭТ
НЕ ОСТАНОВИТ МЕНЯ”**

18+

Эльза Вейн И ТЕМНЫЙ СИЛУЭТ НЕ ОСТАНОВИТ МЕНЯ

<https://litres.ru/74381939>

SelfPub; 2026

Аннотация

В современном городе есть «слепые зоны», где граница между миром людей и миром теней становится тоньше. Главная героиня случайно открывает в себе способность видеть эти зоны и взаимодействовать с тенями. Но за этим даром охотятся две силы: тайное общество, которое хочет его контролировать, и сами тени, которым нужен проход в наш мир.

Содержание

Глава 1. Тени в саду полуночи	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

И ТЕМНЫЙ СИЛУЭТ НЕ ОСТАНОВИТ МЕНЯ

Глава1. Тени в саду полуночи

Лея стояла у окна, прижимаясь лбом к холодному стеклу, и смотрела, как город внизу рассыпается на тысячи дрожащих огоньков. Каштановые с рыжиной волосы, доходившие до талии, слегка растрепались — она то и дело отбрасывала пряди, падавшие на лицо. Серые глаза казались почти прозрачными в этом голубоватом свете уличных фонарей, будто в них отражалась сама тишина ночи.

Сегодня был тот самый день, когда тишина стала слишком громкой.

Она ждала. Не звонка, не сообщения — чего-то большего, чего даже не могла назвать. Просто знака, что мир не забыл о её существовании. Но часы на стене упрямо отсчитывали секунды, и каждая из них падала в пустоту, как камень в тёмный колодец.

В комнате пахло старым деревом и сухими травами —

бабушка всегда раскладывала пучки лаванды и зверобоя по шкафам, уверяя, что они отпугивают дурные сны. Лея не верила в эти сказки, но запах остался, как память о времени, когда всё казалось простым: бабушка шепчет заговор над чаем, дождь стучит по крыше, а впереди — только лето.

Теперь впереди была неизвестность.

За спиной раздался тихий скрип — дверь приоткрылась, и в комнату скользнул кот Барсик, чёрный, как кусок ночи, с белыми «носочками» на лапах. Он подошёл к Лее, потерся о ногу, потом запрыгнул на подоконник и уставился на город, будто знал что-то, чего не знала она.

— Ну что, философ, — пробормотала Лея, проводя ладонью по его мягкой шерсти. — Тоже думаешь, что всё это бессмысленно?

Барсик лишь моргнул, словно говоря: «А разве бывает иначе?»

Лея улыбнулась, но улыбка быстро растаяла. Она знала, что не сможет стоять здесь вечно, глядя на огни, которые никогда не согреют. Нужно было сделать шаг. Любой. Хоть какой-нибудь.

И она его сделала.

Схватив с кресла старую кожаную куртку, Лея накинула её на плечи, сунула в карман телефон и вышла из квартиры, тихо прикрыв за собой дверь. Лифт ждать не хотелось — она пробежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, будто пыталась обогнать собственные мысли.

На улице пахло дождём, хотя небо было чистым. Воздух звенел от напряжения, как натянутая струна. Лея шла по знакомым улицам, но сегодня они казались чужими, будто город надел новую маску, скрывая под ней что-то важное.

Она шла к парку. Туда, где среди старых клёнов пряталась маленькая беседка, увитая диким виноградом. Это было их место. Её и Марка.

Марк...

Имя отозвалось внутри острой, но уже привычной болью. Они не виделись три недели. Три недели тишины, в которой каждый день растягивался на год. Лея не знала, что хуже: ждать ответа, который не приходит, или понимать, что ответа не будет вовсе.

Беседка показалась вдалеке — тёмный силуэт среди зеле-

ни. Лея замедлила шаг, чувствуя, как сердце колотится где-то у горла. Она не знала, зачем пришла. Надеялась ли увидеть Марка? Или просто хотела убедиться, что место всё ещё здесь, что ничего не исчезло окончательно?

Когда она подошла ближе, то заметила фигуру, сидящую на скамейке внутри беседки. Высокий, плечистый, с опущенной головой. Сердце подпрыгнуло и рухнуло вниз, как сорвавшийся лифт.

Это был он.

Марк поднял голову, и их взгляды встретились. В его глазах читалось столько всего — вина, усталость, надежда, страх. Лея застыла, не в силах сделать ни шага вперёд, ни шага назад.

— Лея... — прошептал он, вставая. Голос звучал хрипло, будто он долго молчал и теперь слова давались с трудом. — Я думал, ты не придёшь.

— Я тоже так думала, — ответила она, удивляясь, как спокойно звучит её голос, когда внутри всё дрожит. — Но ноги сами привели.

Он сделал шаг навстречу, потом остановился, будто боял-

ся спугнуть её, как дикую птицу.

— Прости, — сказал он. — Прости, что пропал. Были дела... такие, что я не мог...

Лея покачала головой. Слова «прости» сейчас казались слишком маленькими для той пустоты, которую он оставил.

— Не надо оправданий, — сказала она, крепче сжимая кулаки в карманах куртки. — Просто скажи, ты здесь? Сейчас? Или это снова на пять минут, а потом ты исчезнешь?

Марк шагнул ближе. Теперь между ними оставалось всего полшага. Он протянул руку, будто хотел коснуться её волос, но в последний момент отдёрнул.

— Я здесь, — тихо произнёс он. — И я не хочу исчезать.

Лея смотрела на него, пытаясь прочесть правду в его глазах. И вдруг поняла: она устала сомневаться. Устала ждать знаков и разгадывать чужие молчания.

— Тогда не исчезай, — сказала она, и в её голосе прозвучала не просьба, а приказ, который она отдавала прежде всего себе.

Марк кивнул, и на его лице мелькнула тень улыбки — усталой, но настоящей. Он шагнул вперёд и обнял её. Лея на мгновение замерла, а потом уткнулась лицом в его плечо, вдыхая знакомый запах дождя и ветра, который всегда тянулся за ним.

Они стояли так, пока ночь не начала потихоньку светлеть, обещая рассвет. А где-то далеко, за пределами парка, в воздухе уже витало что-то новое — невидимое, но осязаемое, как первые ноты мелодии, которая вот-вот зазвучит во всю силу.

Но Лея ещё не знала, что эта мелодия будет не только о любви. Она будет о магии, которая прячется в самых обычных вещах: в шелесте листьев, в каплях дождя на стекле, в серых глазах, способных видеть то, что скрыто от других.

Потому что сегодня, в эту самую ночь, мир приоткрыл перед ней одну из своих дверей. И за ней начиналось нечто большее, чем просто история о девушке и парне.

Там начинался мир фэнтези.

Глава 2. Чужой силуэт

Рассвет окрасил парк в бледно-золотые тона, и даже ди-

кий виноград, оплетавший беседку, казался теперь не таинственным, а просто старым и уютным. Лея всё ещё чувствовала тепло рук Марка, но в груди уже шевелилось странное беспокойство — будто она забыла что-то важное, а что именно, вспомнить не могла.

— Пойдём ко мне, — предложил Марк, слегка касаясь её локтя. — Бабушка испекла пирог, а я так и не позавтракал. Да и поговорить надо... нормально, без спешки.

Лея кивнула, хотя спешка всё ещё жила внутри неё, как тихий, но настойчивый голос: «Быстрее, пока не случилось что-то плохое».

Они шли по аллее, и Лея ловила себя на том, что всё время оглядывается. Не из-за Марка — с ним было спокойно, привычно, как будто три недели тишины никогда не существовали. А из-за этого чувства, будто за ними кто-то наблюдает.

Сначала она решила, что это игра нервов. Потом — что это просто утренние тени, длинные и угловатые, цепляющиеся за скамейки и стволы деревьев. Но когда они свернули на боковую дорожку, Лея снова заметила его.

Силуэт.

Он стоял у старого дуба, наполовину скрытый листвой. Высокий, в тёмной куртке с поднятым воротником, лицо в полумраке разглядеть было невозможно. Он не двигался, не делал резких жестов — просто смотрел. И от этого неподвижного взгляда становилось не по себе.

— Ты чего? — Марк проследил за её взглядом, но там уже никого не было. Силуэт исчез, будто растворился в утреннем свете.

— Да так... показалось, — пробормотала Лея, стараясь говорить небрежно. — Просто... этот парк сегодня какой-то чужой.

Марк улыбнулся, но в его улыбке мелькнуло лёгкое беспокойство.

— Это он просто просыпается. Днём тут всегда полно людей, всё кажется обычным. А утром... утром парк будто вспоминает свои старые секреты.

«А если он их не просто вспоминает, а показывает?» — подумала Лея, но вслух ничего не сказала.

В квартире Марка пахло корицей и яблоками, и тревога понемногу отступала. Бабушка Марка, Евдокия Петровна,

суежилась на кухне, подкладывая Лее ещё один кусок пирога, будто хотела накормить её до того, как мир снова станет опасным.

— Рассказывай, деточка, что у тебя на душе? — спросила Евдокия Петровна, усаживаясь напротив и внимательно глядя на Лею своими тёмными, почти чёрными глазами. — Я ведь вижу, что ты будто на иголках сидишь.

Лея хотела отмахнуться, сказать, что всё в порядке, но слова сами сорвались с языка:

— Мне кажется, за мной кто-то следит.

Евдокия Петровна не засмеялась, не стала говорить «это нервы». Она лишь тихо кивнула и прошептала:

— В нашем городе тени иногда становятся слишком плотными. Особенно если ты начинаешь замечать то, что другим не видно.

— О чём ты, бабушка? — нахмурился Марк.

— О том, что у Леи глаза особые, — спокойно ответила Евдокия Петровна. — Серые, как утренний туман. Такие видят не только то, что лежит на поверхности.

Лея вздрогнула. Никто никогда не говорил ей про «особые» глаза. Это звучало как сказка. Или как предупреждение.

— Не пугайся, — Евдокия Петровна накрыла её руку своей тёплой, морщинистой ладонью. — Это не проклятие. Это дар. Но он делает тебя заметной для тех, кто живёт между мирами. Для тех, кто прячется в тених.

Лея сжала пальцы в кулак. Ей хотелось верить, что это просто бабушкины сказки. Но память настойчиво подсовывала тот силуэт у дуба.

После завтрака Лея и Марк решили прогуляться по набережной — туда, где ветер разгоняет любые сомнения, а шум воды заглушает даже самые тревожные мысли. Но стоило им свернуть с главной улицы на узкую тропинку, как Лея снова почувствовала этот взгляд.

Она резко обернулась.

На противоположной стороне улицы, у витрины закрытого книжного магазина, стоял тот самый силуэт. Теперь она разглядела чуть больше: тёмные волосы, резкие черты лица, руки, глубоко засунутые в карманы. Он не пытался прятать-

ся, но и не подходил ближе. Просто стоял и смотрел.

И в этом взгляде было не зло. В нём была тоска. И ещё что-то, от чего у Леи защемило сердце.

— Стой здесь, — тихо сказала она Марку. — Я сейчас.

Не дожидаясь ответа, она пересекла улицу, чувствуя, как земля под ногами становится зыбкой, словно мир на секунду потерял твёрдость.

Когда Лея подошла к нему, силуэт не отступил. Он лишь чуть наклонил голову, будто изучал её, как редкую картину.

— Кто ты? — выдохнула Лея, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он помолчал, будто подбирал слова, которые не привык произносить вслух.

— Меня зовут Кай, — наконец произнёс он. Голос у него был низкий, немного хриплый, будто он долго молчал. — И я не хочу тебе навредить.

— Тогда зачем ты следишь за мной?

Кай едва заметно улыбнулся — улыбкой, в которой не было веселья, только усталость.

— Потому что ты видишь то, что скрыто. А я... я ищу способ вернуть то, что потерял.

— Что ты потерял?

Он не ответил. Вместо этого он посмотрел мимо неё, туда, где к ним уже спешил Марк, сжав кулаки и готовый защищать то, что ему дорого.

— Уходи, — бросил Марк, останавливаясь рядом с Леей.
— Она не твоя добыча.

Кай не стал спорить. Он лишь снова взглянул на Лею — так, будто хотел запомнить каждую черту её лица.

— Я не враг, — тихо сказал он. — Но скоро тебе придётся выбирать. Между тем, что ты знаешь, и тем, что только начинаешь понимать.

С этими словами он развернулся и пошёл прочь, быстро растворяясь в потоке прохожих, словно его и не было.

Лея стояла, чувствуя, как холодный ветер пробирается

под куртку, и понимала: мир стал больше, чем она думала. И в этом новом мире ей придётся научиться различать, где заканчивается любовь, а где начинается магия. И где среди всего этого — её собственное место.

Вечером Лея сидела на подоконнике, глядя на город, который теперь казался ей чужим и одновременно бесконечно притягательным. Барсик устроился рядом, мурлыча, как маленький моторчик, но даже его уют не мог заглушить мысли, кружившиеся в голове.

Она думала о Марке — о его тепле, о том, как легко с ним быть собой. И о Кае — о его печальных глазах и словах, от которых по коже бежали мурашки.

А потом она вдруг поняла: Кай не просто следил за ней. Он тянулся к ней. Не из злобы, а из одиночества. И, возможно, в этом странном, переплетённом мире он тоже искал свой путь к свету.

Где-то далеко, за пределами её окна, ночь снова начинала шептать свои тайны. И Лея знала: завтра эти тайны потребуют ответа.

Если скажешь, какой путь выбрать дальше — например, Кай станет союзником, опасным соблазном или даже сопер-

ником Марка в борьбе за сердце Леи, — я разовью эту линию. —
Рассвет окрасил парк в бледно-золотые тона, и даже дикий виноград, оплетающий беседку, казался теперь не таинственным, а просто старым и уютным. Лея всё ещё чувствовала тепло рук Марка, но в груди уже шевелилось странное беспокойство — будто она забыла что-то важное, а что именно, вспомнить не могла.

— Пойдём ко мне, — предложил Марк, слегка касаясь её локтя. — Бабушка испекла пирог, а я так и не позавтракал. Да и поговорить надо... нормально, без спешки.

Лея кивнула, хотя спешка всё ещё жила внутри неё, как тихий, но настойчивый голос: «Быстрее, пока не случилось что-то плохое».

Они шли по аллее, и Лея ловила себя на том, что всё время оглядывается. Не из-за Марка — с ним было спокойно, привычно, как будто три недели тишины никогда не существовали. А из-за этого чувства, будто за ними кто-то наблюдает.

Сначала она решила, что это игра нервов. Потом — что это просто утренние тени, длинные и угловатые, цепляющиеся за скамейки и стволы деревьев. Но когда они свернули на боковую дорожку, Лея снова заметила его.

Силуэт.

Он стоял у старого дуба, наполовину скрытый листвой. Высокий, в тёмной куртке с поднятым воротником, лицо в полумраке разглядеть было невозможно. Он не двигался, не делал резких жестов — просто смотрел. И от этого неподвижного взгляда становилось не по себе.

— Ты чего? — Марк проследил за её взглядом, но там уже никого не было. Силуэт исчез, будто растворился в утреннем свете.

— Да так... показалось, — пробормотала Лея, стараясь говорить небрежно. — Просто... этот парк сегодня какой-то чужой.

Марк улыбнулся, но в его улыбке мелькнуло лёгкое беспокойство.

— Это он просто просыпается. Днём тут всегда полно людей, всё кажется обычным. А утром... утром парк будто вспоминает свои старые секреты.

«А если он их не просто вспоминает, а показывает?» — подумала Лея, но вслух ничего не сказала.

В квартире Марка пахло корицей и яблоками, и тревога понемногу отступала. Бабушка Марка, Евдокия Петровна, суежилась на кухне, подкладывая Лее ещё один кусок пирога, будто хотела накормить её до того, как мир снова станет опасным.

— Рассказывай, деточка, что у тебя на душе? — спросила Евдокия Петровна, усаживаясь напротив и внимательно глядя на Лею своими тёмными, почти чёрными глазами. — Я ведь вижу, что ты будто на иголках сидишь.

Лея хотела отмахнуться, сказать, что всё в порядке, но слова сами сорвались с языка:

— Мне кажется, за мной кто-то следит.

Евдокия Петровна не засмеялась, не стала говорить «это нервы». Она лишь тихо кивнула и прошептала:

— В нашем городе тени иногда становятся слишком плотными. Особенно если ты начинаешь замечать то, что другим не видно.

— О чём ты, бабушка? — нахмурился Марк.

— О том, что у Леи глаза особые, — спокойно ответила

Евдокия Петровна. — Серые, как утренний туман. Такие видят не только то, что лежит на поверхности.

Лея вздрогнула. Никто никогда не говорил ей про «особые» глаза. Это звучало как сказка. Или как предупреждение.

— Не пугайся, — Евдокия Петровна накрыла её руку своей тёплой, морщинистой ладонью. — Это не проклятие. Это дар. Но он делает тебя заметной для тех, кто живёт между мирами. Для тех, кто прячется в тених.

Лея сжала пальцы в кулак. Ей хотелось верить, что это просто бабушкины сказки. Но память настойчиво подсовывала тот силуэт у дуба.

После завтрака Лея и Марк решили прогуляться по набережной — туда, где ветер разгоняет любые сомнения, а шум воды заглушает даже самые тревожные мысли. Но стоило им свернуть с главной улицы на узкую тропинку, как Лея снова почувствовала этот взгляд.

Она резко обернулась.

На противоположной стороне улицы, у витрины закрытого книжного магазина, стоял тот самый силуэт. Теперь она

разглядела чуть больше: тёмные волосы, резкие черты лица, руки, глубоко засунутые в карманы. Он не пытался прятаться, но и не подходил ближе. Просто стоял и смотрел.

И в этом взгляде было не зло. В нём была тоска. И ещё что-то, от чего у Леи защемило сердце.

— Стой здесь, — тихо сказала она Марку. — Я сейчас.

Не дожидаясь ответа, она пересекла улицу, чувствуя, как земля под ногами становится зыбкой, словно мир на секунду потерял твёрдость.

Когда Лея подошла к нему, силуэт не отступил. Он лишь чуть наклонил голову, будто изучал её, как редкую картину.

— Кто ты? — выдохнула Лея, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он помолчал, будто подбирал слова, которые не привык произносить вслух.

— Меня зовут Кай, — наконец произнёс он. Голос у него был низкий, немного хриплый, будто он долго молчал. — И я не хочу тебе навредить.

— Тогда зачем ты следишь за мной?

Кай едва заметно улыбнулся — улыбкой, в которой не было веселья, только усталость.

— Потому что ты видишь то, что скрыто. А я... я ищу способ вернуть то, что потерял.

— Что ты потерял?

Он не ответил. Вместо этого он посмотрел мимо неё, туда, где к ним уже спешил Марк, сжав кулаки и готовый защищать то, что ему дорого.

— Уходи, — бросил Марк, останавливаясь рядом с Леей.
— Она не твоя добыча.

Кай не стал спорить. Он лишь снова взглянул на Лею — так, будто хотел запомнить каждую черту её лица.

— Я не враг, — тихо сказал он. — Но скоро тебе придётся выбирать. Между тем, что ты знаешь, и тем, что только начинаешь понимать.

С этими словами он развернулся и пошёл прочь, быстро растворяясь в потоке прохожих, словно его и не было.

Лея стояла, чувствуя, как холодный ветер пробирается под куртку, и понимала: мир стал больше, чем она думала. И в этом новом мире ей придётся научиться различать, где заканчивается любовь, а где начинается магия. И где среди всего этого — её собственное место.

Вечером Лея сидела на подоконнике, глядя на город, который теперь казался ей чужим и одновременно бесконечно притягательным. Барсик устроился рядом, мурлыча, как маленький моторчик, но даже его уют не мог заглушить мысли, кружившиеся в голове.

Она думала о Марке — о его тепле, о том, как легко с ним быть собой. И о Кае — о его печальных глазах и словах, от которых по коже бежали мурашки.

А потом она вдруг поняла: Кай не просто следил за ней. Он тянулся к ней. Не из злобы, а из одиночества. И, возможно, в этом странном, переплетённом мире он тоже искал свой путь к свету.

Где-то далеко, за пределами её окна, ночь снова начинала шептать свои тайны. И Лея знала: завтра эти тайны потребуют ответа.

Глава 3. Осколки льда

Дни потекли странно — будто кто-то подменил привычный город на похожий, но чуть искажённый. Лея всё чаще ловила себя на том, что вздрагивает от резких звуков, всматривается в тени, ищет в лицах прохожих намёк на тот самый взгляд — тяжёлый, внимательный, будто Кай где-то рядом и просто ждёт подходящего момента.

Марк старался не замечать её тревог. Он приносил ей горячий шоколад в бумажных стаканчиках, водил по любимым местам, где раньше им было легко молчать, и всё время будто пытался склеить обратно то, что треснуло за эти три недели. Лея улыбалась, брала его за руку, позволяла себе на минуту поверить, что ничего не изменилось. Но стоило Марку отвернуться, как она снова ощущала этот невидимый взгляд — холодный, настойчивый, не злой, но чужой.

А потом случилось первое.

Лея возвращалась домой после встречи с подругой. Уже стемнело, но фонари на её улице почему-то не горели — будто город на секунду задержал дыхание. Она ускорила шаг, кутаясь в шарф, и вдруг заметила впереди фигуру у подъезда. Не Марка. Не кого-то из знакомых. Высокий, плечистый, в тёмной куртке. Даже в полумраке она узнала его.

Кай.

Он не двигался. Просто стоял, загораживая вход, и смотрел на неё так, будто она была единственным источником света в этом тёмном переулке.

— Уйди с дороги, — сказала Лея, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не испуганно.

Кай медленно покачал головой.

— Не могу. У меня к тебе дело.

— У тебя ко мне нет дел.

— Есть. Ты видишь то, что скрыто. А мне нужно, чтобы ты кое-что увидела.

Лея крепче сжала ремешок сумки, чувствуя, как пальцы немеют от напряжения.

— Я ничего не хочу видеть.

— Это не про желание. Это про силу.

Она сделала шаг назад, и в этот момент из темноты выскользнула тень — не человек, не зверь, а сгусток мрака, похожий на рваное облако. Тень метнулась к Лее, и она инстинктивно вскинула руки, будто пытаясь заслониться. И тогда случилось странное: между ней и тенью вспыхнул тонкий, едва заметный барьер — словно воздух на секунду стал стеклом. Тень ударилась о него и рассыпалась, как дым на ветру.

Лея застыла, тяжело дыша. Кай смотрел на неё с каким-то странным удовлетворением — будто только что получил доказательство своей правоты.

— Видишь? — тихо произнёс он. — Ты можешь это делать. Даже не зная как.

— Что я сделала?

— Защитилась. Без слов, без заклинаний. Просто потому, что твой дар сильнее, чем ты думаешь.

Лея покачала головой, чувствуя, как внутри поднимается паника.

— Я не хочу никакого дара.

— А он не спрашивает, хочешь ты или нет.

И тут из-за угла выбежал Марк. Он влетел в переулок, будто его кто-то толкнул вперёд, и резко остановился, увидев Кая. Лицо его потемнело.

— Опять ты? — рывкнул он. — Сколько можно её пугать?

Кай даже не шевельнулся.

— Я её не пугаю. Я готовлю.

— К чему?

— К тому, что скоро здесь станет небезопасно.

Марк шагнул вперёд, загораживая Лею собой.

— Держись от неё подальше. Если ещё раз подойдёшь — я...

— Ты что? — спокойно перебил Кай. — Ударить меня? И что это изменит?

Марк сжал кулаки, но не двинулся. Он знал, что силы тут не главное. Тут было что-то другое — что-то, от чего у него

холодели ладони.

— Пойдём, — тихо сказал он Лее, не сводя глаз с Кая. — Я провожу тебя до квартиры.

Лея кивнула, не в силах выговорить ни слова. Они прошли мимо Кая, и, когда она поравнялась с ним, он вдруг тихо произнёс:

— Он не сможет тебя защитить. Не от этого.

Лея резко обернулась.

— Замолчи!

Кай лишь чуть приподнял бровь, будто её злость его почти забавляла.

— Хорошо. Молчу. Но когда ты захочешь услышать правду, ты знаешь, где меня искать.

С этими словами он развернулся и ушёл, растворяясь в темноте так же бесшумно, как и появился.

На следующий день Лея сидела в маленькой кофейне, пытаясь делать вид, что всё нормально. Марк болтал о чём-то

будничном — о новом фильме, о планах на выходные, о том, что надо бы съездить за город, туда, где нет ни теней, ни странных парней, ни магии. Лея кивала, улыбалась, но краем глаза всё время проверяла улицу.

И тогда она увидела его снова.

Не самого Кая, а его отражение в витрине. Он стоял на другой стороне улицы, прислонившись к фонарному столбу, и смотрел прямо на неё. Не прятался. Не делал вид, что случайно оказался тут. Просто наблюдал.

Лея резко встала, чуть не опрокинув чашку.

— Мне надо выйти, — бросила она Марку, не глядя на него.

— Куда? Лея, что с тобой?

— Сейчас вернусь.

Она выскочила на улицу и почти бегом пересекла дорогу. Когда она оказалась напротив того места, где стоял Кай, там уже никого не было. Только ветер гонял по тротуару обрывок газеты, а на асфальте темнело мокрое пятно, похожее на след от ботинка.

«Он был здесь. Он был прямо здесь», — повторяла она про себя, чувствуя, как в груди сжимается что-то холодное и острое.

В тот вечер Лея впервые решилась задать вопрос, который давно крутился на языке. Она сидела у окна, а Барсик мурлыкал у неё на коленях, и этот тихий звук немного успокаивал.

— Бабушка Марка говорила, что у меня «особые» глаза, — сказала она в пустоту комнаты. — Что это значит?

И вдруг поняла, что знает, к кому можно пойти за ответом.

Евдокия Петровна жила в старом доме на окраине города — в квартире, где пахло травами, воском и чем-то древним, будто стены хранили чужие воспоминания. Лея постучала, и дверь тут же открылась, будто хозяйка ждала её.

— Входи, деточка, — тихо сказала Евдокия Петровна, отступая в сторону. — Я знала, что ты придёшь.

Лея вошла, чувствуя, как с каждым шагом становится тяжелее дышать.

— Расскажите мне правду, — попросила она, глядя старушке прямо в глаза. — Пожалуйста.

Евдокия Петровна кивнула, пододвинула к ней чашку с травяным чаем и села напротив.

— Твой дар — это не сила, которую можно включить и выключить. Это способность видеть границы. Между светом и тьмой, между мирами, между тем, что есть, и тем, чего быть не должно. И те, кто живёт на этих границах, чувствуют, когда кто-то их видит.

— Кай... он один из них?

Евдокия Петровна помолчала, подбирая слова.

— Он из тех, кто слишком долго жил между мирами. От этого сердце становится твёрдым, как лёд. Он делает жестокие вещи, потому что привык, что иначе не выжить. Но лёд может треснуть. Особенно если рядом окажется кто-то, кто напомним ему, что внутри всё ещё есть тепло.

Лея сжала чашку пальцами, чувствуя, как горячий фарфор обжигает кожу.

— Но он пугает меня.

— Потому что он не умеет по-другому. Он привык, что страх — это щит. Но щит можно опустить.

Лея хотела спросить ещё что-то, но в этот момент за окном мелькнул знакомый силуэт. Кай стоял у калитки, не заходя во двор, и смотрел прямо на окно. На её окно.

Евдокия Петровна проследила за её взглядом и тихо вздохнула.

— Он пришёл не за тобой. Он пришёл, потому что ты — его последняя надежда. Даже если сам он в это не верит.

Ночью Лея долго не могла уснуть. Она лежала, уставившись в темноту, и думала о том, что мир больше не будет прежним. Что где-то рядом ходит человек, который делает жестокие вещи, но у которого внутри есть что-то живое. И что однажды ей придётся выбрать: оттолкнуть его навсегда или попытаться разглядеть то, что он прячет даже от самого себя.

А где-то в городе Кай стоял под дождём, подняв воротник куртки, и смотрел на её тёмное окно. Он не хотел, чтобы она его видела. Не хотел, чтобы она знала, как сильно ему нуж-

на её способность. Но ещё больше он не хотел, чтобы с ней случилось то же, что когда-то случилось с ним — чтобы она стала такой же холодной, такой же одинокой, такой же жестокой.

Он не признавался себе в этом. Не позволял. Но где-то глубоко внутри, под слоями льда и равнодушия, шевелилось что-то, что заставляло его снова и снова возвращаться к этому дому.

Что-то, похожее на надежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.